

*Н.В.Палеева**

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА О «СЕБЕ» И «ДРУГИХ» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье анализируются механизмы конструирования имперской властью общественного дискурса о «других» («непринимаемых») группах как один из способов формирования образа «себя».

Проблемы национальной идентичности, идентификации (как процесса формирования идентичности) выходят сегодня на одно из первых мест по обращению к ним среди исследователей.

Тема идентичности (как и проблема информации и информатизации) становится актуальной именно в период зарождения постнеклассической познавательной модели (парадигмы) [1], т.е. в XX веке. Благодаря разработке данной проблемы, начинают исследоваться и вопросы происхождения и существования категорий «другого», «непринимаемого» населения.

Из существующих ныне подходов к пониманию данной проблемы (примордиализм и инструментализм в их числе) как наиболее соответствующий задачам исследования нами был выбран конструктивистский подход, в соответствии с которым идентичность является конструируемым феноменом, как, впрочем, и то, «отталкиваясь» от чего она конструируется. Следовательно, вопросом является — кто и посредством чего конструирует в сознании общества эти феномены («себя» и «другого»).

Концепция социального конструктивизма довольно широко распространена в современной науке. Это работы А. Шютца, Н. Лумана, Б. Андерсона и др., а также (и в первую очередь) ее родоначальников П. Бергера и Т. Лукмана.

Все они по-разному отвечали на уже ранее обозначенный нами вопрос: в результате чего в общественном сознании «появляются» образы «себя» и «других».

С точки зрения А. Шютца, «мы» и «они» группы формируются посредством коммуникации индивидов. Шютц приводит пример подобного конструирования образа «другого». Так, например, для типизации объектов и оценки социальных действий каждый индивид использует ту шкалу измерений, которая характерна для его «домашней» группы. Однако этот intersубъективный мир (своей «домашней» группы) может существенно отличаться от intersубъективного мира другой «домашней» группы. Отсюда и проистекает то, что индивид из одной социальной группы («домашней» группы) видит объекты иначе, чем человек из другой социальной группы. Благодаря этой intersубъективности повседневное знание и жизнь индивидов одной группы отличаются от других. Согласно А. Шютцу, именно таким образом и возникает «Мы»-группа, в которой индивид чувствует себя «своим» и как дома, и «Они»-группа — иная, в которой сложно понять ее членов, из-за чего, по мнению исследователя, и возникают опасение и недоверие.

* Палеева Н.В., 2006

Палеева Наталья Владимировна — кафедра социологии и политологии Самарского государственного университета

Члены «другой» группы используют собственные знания, руководствуются схожими принципами, имеют свою собственную шкалу измерения значений и социальных объектов. Благодаря этому они значительно отдаляются от остальных групп, являющихся для них «внешними» и малопонятными.

Приведенная точка зрения весьма спорна хотя бы ввиду того, что «опасение» и «недоверие» вряд ли могут быть вызваны только отличием группы «мы» от группы «они». Наличие противоположной группы еще ничего не говорит о неприятии ее. Если принять эту точку зрения, получится, что любое соседнее племя, любая соседняя деревня (относительно исследуемого нами исторического отрезка) уже «враждебна». Однако на практике реально этого не происходит. «Непринимаемые» группы для общества конструируют власть, а не само общество.

При сопоставлении своего «Мы» с другими «Они» вырабатывается социальная самоидентификация индивидов, формирующаяся стихийно в процессе социализации у каждого человека и впоследствии так или иначе влияющая на выбор жизненных стратегий, на степень готовности людей к взаимодействию с представителями других социальных групп.

Схожей точки зрения придерживаются П. Бергер и Т. Лукман, связывающие возникновение «идентичности» с взаимосвязью «индивида и общества», т.е. «идентичность возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества». [2.С.75].

Ввиду полученных нами результатов исследований российской прессы и школьных учебников (издававшихся во второй половине XIX — начале XX веков), нельзя согласиться с данной точкой зрения, т.к. в ней конструирующая функция приписывается «взаимосвязи», «взаимодействию», что неприменимо к обществу Российской империи исследуемого нами периода, где никакого «взаимодействия» общества, личности и власти не существовало, а те или иные решения различными способами (через СМИ, деятельность русских ученых, учебники по истории и т.п.) конструировались, «предписывались» самой властью.

На наш взгляд, ни один из обозначенных выше подходов не отвечает ситуации, сложившейся в Российской империи во второй половине XIX века.

Наиболее адекватной в данном случае нам представляется теория символически генерализованных средств коммуникации Н. Лумана, описывавшего эволюцию логики коммуникации в современном обществе и утверждавшего, что все процессы, происходящие в обществе, формируются властью посредством средств массовой информации, производящих, для управления обществом, смысловые (коммуникативные) коды.

Все существование общества, согласно Н. Луману, определяется, «направляется» властью, осуществляющей свои властные функции, конструирующей общественное мнение и т.п., через средства массовой информации.

Власть, по Н. Луману, при этом является той стороной, которой «приписывается ответственность за все происходящее» [3.С.29] (несмотря на то, что в рамках властных отношений действуют (должны действовать) обе стороны).

Контроль (ответственность) над всеми идущими в обществе процессами осуществляет сама власть, отказывая фактически обществу в «самостоятельности», лишая его собственной инициативы. Подобное положение характерно для общества с подданнической политической культурой, коей и являлась Российская империя на рубеже веков.

Основой теоретической модели Н. Лумана стал структурно-функциональный анализ Т. Парсонса.

Власть, согласно Н. Луману, не только «основывается» на средствах коммуникации, но и осуществляется через них, фактически представляя собой средство коммуникации.

Посредством коммуникации (задаваемой властью) конструируются и действуют социальные системы [3.С.13] (общество). Все они — «потенциально конфликтны» [3.С.13]. Конфликты превращаются в один из «ресурсов» власти, очередной «рычаг», при помощи которого она управляет обществом, регулируя происходящие в нем процессы.

Примером в данном случае могут служить сознательная эскалация, порождение конфликтов или, напротив, снижение их напряженности властью (как это было, например, в отношении польского или еврейского населения в Российской империи в конце XIX — начале XX веков).

Политика СМИ в отношении Польши как раз и характеризовалась подобной переменчивостью. Власть то акцентировала внимание на негативном отношении поляков («польских панов», «хитрых ляхов») к русскому (православному) населению, вызывая тем самым появление и рост антипольских настроений, то, напротив, старалась всячески замолчать данную проблему, старательно «обходя» ее в печати. Подобная ситуация наблюдалась и в отношении еврейского населения страны. Данная политика зависела, как правило, от внутривластной ситуации, от тех задач, решение которых требовалось на данный момент.

Власть как средство коммуникации, таким образом, может усиливать как «потенциалы конфликта», так и «потенциалы консенсуса» [3.С.14]. Все зависит от обстановки, в которой она принимает решения, и от задач, ею поставленных.

Посредством коммуникативных кодов власть имеет возможность контролировать процессы и ситуации, наличествующие в обществе. При этом право использования и изменения кодов принадлежит власти. Власть, осуществляющая свои руководящие функции через СМИ, «прививает» обществу «нужный» способ мышления и поведения. Массовая информация транслирует «мнения» и «точки зрения», внедряя их в сознание подчиненных ей людей и замещая собственное видение проблемы (если оно сформировано) своим.

Данная ситуация характерна не только для современного общества. Во второй половине XIX века в российском обществе наблюдались подобные тенденции. Влияние власти на общество осуществлялось не столько посредством силы, сколько посредством СМИ и коммуникационных процессов вообще. То или иное «мнение» «задавалось» в обществе через правительственную прессу и транслировалось общественными деятелями, среди которых не последнее место занимали лидеры возникших в это время политических партий, писатели, религиозные философы. Взгляды последних, как и точка зрения власти, были хорошо известны обществу. Вместе правительственные СМИ и общественные деятели усиливали трансляцию предлагаемых властью мнений и селекций, создавая среди населения то или иное настроение, мнение, поведение. Такая ситуация наблюдалась как в отношении Польши в период польского восстания (1863 г.), перед и после него, так и в отношении еврейского населения, населения Кавказа или русской интеллигенции.

С начала 60-х годов XIX века власть начинает отчетливо формировать в сознании остального населения империи образ поляка как «другого» («инородного»). Особенно четко это прослеживается в прессе (преимущественно журналах) и школьных учебниках по российской и зарубежной истории того времени. Поляки наделяются практически всеми, признаваемыми как негативные, качествами. Во-первых, от

«остального» населения их отличает религия («католическая религия», католический обряд» [4. С.69-71]), что само по себе «плохим» не является, если бы не тот контекст, в каком все это упоминается. Из маркера, отличающего поляков от других этнических групп, религия превращается в своего рода объяснение всех последующих «проступков» польского населения.

Католическая вера становится «опасной» уже в период смуты и появления на исторической сцене Лжедмитрия I. Одной из движущих сил этого «похода», согласно авторам учебников, является заинтересованность польских иезуитов в распространении на Руси католичества [5. С.109; 6. С.75]. Это стремление объясняет и поддержку самозванца «польскими панами», королем Сигизмундом, старавшимися получить и некоторые материальные дивиденды параллельно с удовлетворением религиозных «потребностей».

Упоминаясь первоначально в контексте религиозных притязаний, такие характеристики польского населения, как «жадность» до чужого, «корысть», страсть к «мародерству», «неприятие» русского населения и т.п., к началу XIX века становятся самостоятельными в дискурсе о данной народности.

На «основе» образа польского населения конструируются первые черты «своего» — полной противоположности поляков. «Русское» население, в первую очередь, отличается «православная вера» [6. С.79], которая, безусловно, признается более «правильной», т.к., согласно мнению прессы и учебной литературы, подразумевает милосердие, сострадание и покорность [5. С.97; 7.С.55]. Кроме того, «русские» «бесхитростны», открыты, дружелюбны (по отношению ко всем без исключения народностям). У них полностью отсутствует тяга к «присвоению чужого» (чем отчасти и объясняется их бедность), им не ведомы жадность и корысть [5. С.124; 8. С.53].

Вторым этносом, относимым властью к категории «других», стало еврейское население.

Если по отношению к полякам в качестве маркера, отличающего их от «остального» населения империи, на первое место выходит католическая религия, то в отношении евреев начинают действовать такие их особенности, как нарушение христианских заповедей — в первую очередь той из них, которая предполагает «нестяжательство» чужого имущества, простоту жизни, отсутствие тяги к накопительству [6. С.97]. Эти черты, приписываемые еврейскому населению, являются исходными для ряда других. Например, для «традиционного» стремления «нажиться» на всем, в том числе и на христианском празднике Пасхи — путем установления «пасочного сбора», требовавшего, чтобы в этот праздник православные покупали куличи исключительно у них (по произвольно назначаемой цене и по числу душ в семье) [4. С.146; 6. С.97] и т.п.

Картина «инаковости» еврейского населения дополняется сценами, изображающими последних в качестве эксплуататоров крестьянского населения (с целью получения все той же «выгоды»), не чурающимися никаких, даже самых «неблагородных», действий, берущихся за самую «грязную» и неблагодарную работу.

Кроме того, последние представлены (в отличие от польского населения) на поле битвы. Подобных сцен немного, но в каждой из них явно прослеживается полная неспособность евреев к такому «мужественному» занятию, как война. Они напрочь лишены «ратной доблести» [6. С.67].

Обозначенные выше черты, безусловно, не имеют ничего общего с «русским» населением, от сопоставления с еврейским приобретающего «природное» «нестя-

жательство», порядочность, отсутствие каких-либо эксплуататорских «замашек», и едва ли не главное — ратную доблесть, героизм на поле боя, свойственную, по мнению авторов учебников, исключительно мужественным людям [6. С.74].

Все эти качества не только «отделяют» евреев от «русского» населения, но и «приближают» к полякам, в сочетании с которыми они становятся близки к «инородцам» — «крайней» форме «других».

Каждый новый этнос, попадающий в категорию «других», придает русскому «образу» «себя» нечто новое, ту или иную положительную черту. Очередной подобной группой становятся татары (чаще обозначаемые как «орда»). Именно они придают образу русских такие черты, как «единство» (в контексте дружбы и сплоченности), смелость (татары смелы далеко не всегда), выносливость и мужественность. На фоне первых «мы» выглядим значительно более «культурными» и «европейскими». «Орда» — дикая, «восточная», «кочевая», совершенно «противоположная» по образу жизни русскому населению. «Мы», напротив, «самобытные» (но не «восточные»), привязанные к своей земле, родине и способные ее защитить.

Путем внедрения в сознание общества подобных коммуникативных кодов (в наиболее упрощенной их форме) власть, отталкиваясь от категории «других», формирует образ «себя» (определенную политическую идентичность). Первый и второй конструкт со временем эволюционируют, приобретая те или иные новые черты или лишаясь их. Как, например, это случалось в 80-е годы XIX века и в начале XX столетия, очевидно, под воздействием внешне- и внутривнутриполитических событий, когда срочно требовалось «переключить» с них внимание общества, направив его негодование в иное русло, например, на группы «другого» населения. В эти же периоды образ «себя» приобретает и ряд «новых» черт, становясь более способным к предпринимательской деятельности и «стойким». Русская «самобытность» прослеживается уже не столь ярко, постепенно «дополняясь» такими «чисто европейскими» характеристиками, как образованность, европейский стиль жизни, одежда и манеры.

Процесс формирования политической идентичности Н. Луман называет также процессом «производства воли» [3.С.37]. Признавая, что изначально наличной воли в обществе не существует, и ее для начала необходимо произвести [3.С.37]. Произведенная (сконструированная) воля в этом случае становится «пригодной» для «обуздывания» и «приручения» [3.С.37].

Конструируя политическую идентичность («производя волю»), власть получает тем самым еще большую возможность управлять обществом. Только на этот раз не с помощью исключительно силы, а посредством производства и актуализации некой общей идентичности, общей «идеи». Этой задаче и служила политика по производству русского общественного дискурса о «себе» и «других», создавая который правительство рассчитывало не только больше сплотить, но и поставить под абсолютный контроль граждан государства. Этим же целям была посвящена и тактика изменения образов «себя» и «других».

Библиографический список

1. Огурцов, А.П. Научно-техническая революция и особенности современного научного познания / А.П. Огурцов. М.: Наука, 1977. — 120 с.
2. Завершинский, К. Когнитивно-оценочные структуры политической идентичности / К. Завершинский. М.: Юристъ, 2000. — 110 с.

3. Луман, Н. Власть / Н. Луман; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Практис, 2001. – 256 с.
4. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста / сост. Д. Иловайский. Издание тридцать шестое, вновь пересмотренное. М.: Т-во Типо-Литографии И.М. Машистова, 1912. – 388 с.
5. Отечественная история. Курс средних учебных заведений. Мужских и женских с приложением хронологической таблицы и трех карт. / Сост. С. Рождественский. Применительно к примерной программе VI, VII и VIII классов гимназий. Вновь одобрена для употребления в виде учебника Ученым комитетом Министерства народного просвещения Издание тринадцатое. СПб.: Книгопечатня Шмидтъ, 1905. – 175 с.
6. Краткая отечественная история в рассказах для народных и вообще начальных училищ, с портретами исторических лиц / сост. С. Рождественский. Издание тридцать восьмое, исправленное и с изложением последних событий. Пг.: Книгопечатня Шмидтъ, 1917. – 184 с.
7. Русский Вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. М., 1884. Т.174.
8. Рожков, Н. Учебник всеобщей истории для средних учебных заведений и для самообразования / Н. Рожков. СПб.: Типография Маркова и комп., 1904. – 266 с.

N. V. Paleeva

**PRODUCTION OF PUBLIC DISCOURSE OF SELF
AND THE OTHER IN RUSSIAN EMPIRE
(LATE XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)**

The mechanisms producing the public discourse of the Other formed by the state in Russian Empire are analyzed in the article. They are considered to be not only the mechanisms producing the Other but the ones creating the idea of Self.